

The background of the cover is a photograph showing the dark silhouette of a large, multi-story building, likely a church or monastery, with several arched windows. To the right, a lone figure stands on a dark, rounded hill, looking towards the horizon. The sky is a gradient of warm colors, from deep orange near the horizon to a darker, purplish-brown at the top.

Саша Ненадо

**Руины церкви,
расчлененный труп
и я**

Саша Ненадо Руины церкви, расчлененный труп и я

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29607049
ISBN 9785449037640*

Аннотация

Под полом разрушенной кирхи найдены останки молодой женщины. Единственный, кому есть дело до поиска убийцы – адвокат, у которого тоже совесть нечиста: когда-то он сам планировал массовое убийство. Перед вами мизантропический герметичный детектив в котором вы, возможно, сами вычислите убийцу, но до конца не будете уверены, все ли доживут до финала.

Содержание

27 ноября	5
28 ноября	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Руины церкви, расчлененный труп и я

Саша Ненадо

*Любовь моя, люби! – да не развяжешь
вовек ты жгучий узел этой жажды
под ветхим солнцем в небе опустелом!
А все, в чем ты любви моей откажешь,
присвоит смерть, которая однажды
сочтется с содрогающимся телом.
Федерико Гарсия Лорка, перевод Гелескула*

© Саша Ненадо, 2018

ISBN 978-5-4490-3764-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

27 ноября

«Извините меня, падре, я несколько согрешил. Я покушался на убийство двух и более лиц общественноопасным способом и не довел задуманное до конца по не зависящим от меня обстоятельствам», – говорил про себя Саша Ахин.

Из окна автомобиля он наблюдал, как медленно поворачивается к дороге псевдоготический остов, черный на фоне первого снега. С восточной стороны, где располагался алтарь, церковь казалась почти нетронутой временем. Если бы рядом с ней росло хоть одно дерево, это было бы похоже на иллюстрацию к книге об Англии. Однако летом все на несколько километров вокруг выжигал такой жар, что деревья здесь вырастали не выше куста бузины, засыхали и падали.

Саша представлял, что встает на колени перед резной стенкой исповедальни (хотя если это был не костел, а лютеранская кирха, то черт знает, как это все там устроено) и говорит: «Падре, мне плохо неопишимо. Этим летом, падре, я ни с того ни с сего возжелал – так это на вашем диком языке называется? – сотрудника прокуратуры Андрюшу Бажина. Если быть точным, я не столько хотел с ним секса, сколько рассказывать ему смешные вещи, держать за руку, когда он будет жаловаться, что простудился – трогать губами лоб. Не знаю, насколько у вас это считается предосудительным.

И да, немного секса — это точно считается... Он меня проигнорировал, и я не знаю, что со мной случилось. Я осатанел. Не знаю, запрещено у вас это слово или, наоборот, приветствуется... серьезно, в меня будто дьявол вселился. Я хотел его убить, в какие-то минуты — голыми руками. Как-то раз я напился... Мы все были на маленьком прогулочном теплоходе, я зашел в рубку... Падре, вы бы видели, какой там бардак! Любой нетрезвый кретин вроде меня может войти и натворить что угодно. Например, я захотел сделать так, чтобы мы врезались в опору моста... Дело было в ноябре, и я рассчитывал, что все мы умрем мучительной смертью в волнах с температурой плюс три. Когда я представлял, как у Андрюши остановится сердце, и он будет с широко раскрытыми глазами погружаться глубже и глубже, я испытывал физическое наслаждение. Я не знал, что затопить корабль так сложно! Оказывается, даже этому учиться надо. Вот вы знали, что такое „поправка на течение“? А я теперь знаю, но поздно».

Руины медленно отворачивали от лица Ахина почти нетронутую алтарную абсиду, и теперь стрельчатые окна на северной и южной стене светились остатками скругленных фрамуг на фоне белого неба. Дорога снова повернула, и перед Сашей поднялись парные западные башни. Они прогнили и распались до арматуры, до опор-перекрытий, так что им бы больше приличествовали плакаты «Мошенник, отдай наши квартиры», нежели англоманские силуэты неподвижных черных грачей. Ахин сидел, отвернувшись к окну, сам

похожий на грача.

Машина принадлежала владельцу здешних угодий, директору КФХ, на чьей земле стояла разрушенная церковь. Сам Старый Бай, невозмутимый, с улыбкой, похожей на морщины в коре дерева, степным божком сидел рядом и занимал большую часть пространства на задних пассажирских сиденьях.

– В этом складе ее и нашли, – сказал он. Ахин глянул на него словно уколотый.

– Мы привыкли, склад и склад, – извиняющимся голосом сказал хозяин.

Над дорогой проплыла зелено-желтая жестяная арка с надписью КФХ «Мечетинское».

– Четыре года назад привез Камаз кирпича дырки в стенах заделывать. В Любатовке все восстановили, гостевой дом есть, концерты проходят, все очень культурно.

«Каким вандалом нужно быть, чтобы делать здесь ремонт», – Ахин скривился и снова отвернулся к окну. Черный силуэт ненадолго пропал, скрытый высоким ангаром МТС. На помосте перед ним застыл комбайн, ветер шевелил полупрозрачные детали в его обмундировании.

– В этом году решил пока... Не та обстановка... в общем, вернуть кирпич. Прислал людей, начали разбирать, но опрокинули тележку, проломили настил, а там лежит... Знаете, как матрешка, по росту: позвоночник, бедренные кости, берцовые кости, руки. И отдельно ступни – знаете, как обувь

ставят.

– Череп так и не нашли? – сквозь зубы спросил Саша.

Хозяин покачал головой, и после паузы, словно спохватившись, в друг начал быстро говорить:

– Мне рассказывали, вы как-то по-новому все решаете, без заносов. Мне рассказывали, нормально решаете, хорошо. Но, может быть, вы и по-своему, по-новому будете решать, и занесете, а?

– Я посредничеством не занимаюсь, – усталым голосом ответил Ахин.

– Я все понимаю, но я объясню: мне к Новому году разобраться надо, я баллотируюсь.

– Еще и баллотируетесь, – бесцветно повторил за ним Саша и наклонил голову, массируя виски.

Старый Бай нежно наклонился к нему.

– У меня «Алкозельцер» есть!

Пустырь вокруг развалин был весь засыпан битым кирпичом. Саша балансировал по нему в своих высоких армейских ботинках, не вынимая рук из карманов пальто, и его розовый шарф был единственным цветным пятном в черно-белом пейзаже вокруг. Казавшийся издалека сравнимым с сараем или коровником, вблизи храм легко закрыл полнеба. Ахин открывши рот смотрел вверх, а сверху вниз из-под полукупола абсиды выглядывали воронята с такими же носами, как у него, и тоже разевали рты.

Окна церкви стали дверями. Ахин вошел в одно из них и запутался в кусте бузины, который взломал доски пола. Западный вход преградил боярышник с трехсантиметровыми шипами, рядом на битву деревьев собирался рахитичный клен и его оруженосец – двухметровая расторопша. Пол был усыпан свежим кирпичом, снегом и птичьим пометом. В алтаре зияла дыра в полу. Следовательно, кем бы они ни были, оказались слишком ленивы, чтобы обнести ее сигнальной лентой. А может быть, она висела, но ее сорвал ветер и спрятала здешняя земля, которая, очевидно, показывала только то, что сама желала.

Из окон противоположной стены нефа открывался бьющий в глаза ветром с ледяной крошкой вид на открытую степь, разрезанную оврагом, на краю которого стоял аккумуляторный туалет без двери и с окошком в своей задней стенке. Ахин снова перебрался через бузину, постаравшись не отдать ей никакой части своего пальто, и пошел обратно. Хозяин КФХ смирно ждал возле машины. Его лицо выражало огромное терпение.

– Это сделал один из ваших сотрудников, – еще издали крикнул Саша. – В церковь невозможно попасть иначе, кроме как с территории фермы. На ночь ворота закрываются, а днем люди обычно стесняются таскать расчлененные трубы по чужому предприятию.

Он подошел, достал бумажный платочек – на ветру потекло из носа – и продолжил.

– Если убийца работал или работает на ферме до сих пор, его будет не так трудно найти. Мы дадим следствию настоящего преступника, и таким необычным инновационным способом закроем дело против вас.

Старый Бай выслушал его, не снимая с лица терпеливой улыбки.

– Хорошо. Это будет скотник.

Ветер принес тучу снежной крупы и полетел дальше кричать «ууу» между стен ангара и зернохранилища. А. вскинул голову и посмотрел на землевладельца большими глазами.

– Что? Вы знали?

Хозяин пожал плечами.

– Раз по-новому нужен преступник – будет преступник. Я со скотником поговорю, он все подпишет. Звоните следователю.

Ахину потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя и следующую фразу произнести спокойным голосом.

– У вас работал или до сих пор работает человек, который мог хладнокровно расчленить другого человека и сложить, ранжировав куски по размеру, а вам даже неинтересно, кто это?

Хозяин все так же вежливо улыбался. Саше потребовалось еще несколько секунд, чтобы представить, как он встанет в третью позицию, кричит, что отказывается от контракта, звонит в такси, за несколько тысяч возвращается в город, а затем долго, опустив глаза в пол, объясняет руководству

причины и резоны своего поступка. Он вдохнул, выдохнул и произнес бархатным голосом:

– Если мы обвиним человека, на которого укажете вы, они развалят дело в суде. Такое уже было. Чтобы прекратить дело и спокойно баллотироваться, вам нужно вместе со мной найти такого обвиняемого, против которого дело в суде не развалится.

Старый Бай помолчал. Внутри его головы играл свой фильм, в котором он шумно отказывался от услуг этого адвоката, не получал обратно внесенный аванс и с трудом находил нового законника. Тот оказывался бывшим полицейским, долго смотрел на нанимателя при первой встрече, а во время второй начинал шантажировать материалами нераскрытого уголовного дела 1996 года.

– Хорошо, – сказал он. – Делаем как скажете.

Главное здание фермы было построено при СССР. Под треугольной крышей, имитирующей фронтоны античного портика, красным кирпичом по силикатному было выложено «Хлеб – всему голова». В обшитых сайдингом помещениях первого этажа располагались подсобки, бухгалтерия и столовая. Солидную часть второго этажа занимал кабинет хозяина с длинным полированным столом для конференций, над которым висели портреты президента и главы района, а между ними чернели четыре дырочки от саморезов на месте портрета бывшего губернатора. Налево уходили кабинеты секретаря, агронома и фельдшера, направо – кабинет для

собраний и две гостевые комнаты. Одну из них предоставили Ахину.

Он бросил портфель в угол и осторожно растянулся на однопальной кровати – на таких он давно разучился спать. Аккуратный потолок, ковер на полу, остро пахнущий пластмассой стеклопакет в окне, письменный стол и пафосная лампа с украшенными кистями абажуром, но единственная розетка спрятана куда-то под шкаф. «Здесь есть туалет? – Конечно! Как выйдете – направо и за угол, дальше прямо мимо ангара, и в конце он будет. Ночью фонарик берите». «Ванны тоже нет? – Как же нет? У нас баня. Как только скажете – вам натопят».

«Интересно, – думал Саша, – Кофе у них уже изобрели? И нужно ли за него платить девственницами какому-нибудь Арслан-паше?»

Погибшей было от двадцати пяти до сорока пяти лет. Ее рост был от 165 до 170 сантиметров, она носила тридцать восьмой размер обуви, хотя по ферме она, скорее всего, ходила в безразмерных резиновых сапогах. Кто-то отделил ей голову, ноги и руки топором. Вот и все, что было известно о жизни и смерти жертвы на тот момент, когда делом занялся Ахин. Первое, что ему предстояло – установить ее личность, хотя без головы и каких-либо намеков на остатки одежды это обещало стать по-настоящему захватывающим. Начал он с отдела кадров.

Как то часто бывает на предприятиях среднего бизнеса, бухгалтер совмещал должность кадровика. В Мечетинке это был высокий жилистый мужик Сережа, больше похожий на механизатора или слесаря, с нразборчивыми синими наколками на обеих руках по самые косточки. От него сильно пахло, так что Ахину во время разговора с ним пришлось спрятать нос в водолазку. Однако в бухгалтерии было аккуратно. Напоминало класс сельской школы: неубиваемые растения на окнах, фанерные шкафы, домотканая дорожка посередине комнаты, несколько старинных конторок с наклонными поверхностями для письма и на удивление новые, хрустящие смолистой доской полы. В дальнем углу, словно стесняясь своего присутствия, стоял компьютер со старорежимным монитором, таким, на каком мог бы удобно улечься кот.

– У вас должен быть журнал учета трудовых книжек, – прогундосил Ахин в свою водолазку. – Меня интересует все до 2013 года.

– Я не веду, – мотнул башкой бухгалтер. – Трудовые... – он грохнул о стол плоский фанерный ящик с парой десяткой книжек, – Вот. Смотрите.

– Вообще-то обязаны, – не вынимая лица из одежды, отозвался Ахин.

Сережа гневно посмотрел на него, но больше ничем раздражения не выдал.

– Есть вот такое, – сказал он и положил сверху учениче-

скую тетрадь без подписи на обложке, у которой кудрявился правый нижний уголок, а сверху прихлопнул еще одну.

Ахин пододвинул ногой стул, сел за парту и принялся изучать.

Голову можно было сломать на этих записях, представляющих гибрид трудового расписания, картотеки работников и личных дел. Записи делались то ручкой, то карандашом. В одной книге были перечислены все должности КФХ и под должностями мелко и кривенько подписаны фамилии, в другой значились фамилии и даты – то ли приема на работу, то ли увольнения. Сам бухгалтер сначала пытался помогать своими пояснениями. Они сводились к тому, что он указывал своим заскорузлым пальцем в страницу и мычал: «Это вот... ну, этот». Саша в ответ только глубже прятал лицо в одежду, где она еще пахла туалетной водой.

Взгляд упал на запись, сделанную в 2014 году. В марте на работу была принята агроном по имени Екатерина 1989 года рождения. Записи об увольнении не последовало. Ее имя вычеркнули, возможно, спустя несколько месяцев: это было сделано другим цветом чернил. Саша спросил, кто она и куда делась. Бухгалтер ответил, что она была замужем за фельдшером Магамедом; в КФХ они приехали вместе, прожили около полугода, затем она пропала, а через некоторое время заехала ненадолго, забрала трудовую книжку и больше не появлялась.

– Сама приехала и забрала? – сощурился Ахин. Бухгалтер

дал честное слово, что сама. Саша отвернулся и набрал ее имя и фамилию ВКонтакте.

Агроном Екатерина была онлайн шесть минут назад. В последний раз она постила переливающуюся блестками поздравительную гифку с праздником Покрова. Ее актуальным местом работы был указан магазин «Цветик-семицветик» в областном центре.

– Мне нужен водитель, в город и обратно, – сказал Ахин. – И побыстрее, пока светло.

Водитель в КФХ был один – тот же, кто вез Старого Бая и его адвоката из город в первый раз. Его звали Валера, и к рукопожатию с ним Саше предстояло долго привыкать. После рук здешних жителей ему нестерпимо хотелось достать антибактериальную салфетку, но он догадывался, что подобный жест не сделает его популярнее.

Валера рулил одной лапой, другой держал в окне сигарету и постоянно разговаривал. Возможно, он был рад, когда Ахин сам предложил обсудить когда-то жившую на ферму Катю, и без принуждения принялся рассказывать.

– Катя жила одно лето. Красивая баба. Они с Магой постоянно ругались, он ее за волосы из дома вытаскивал и кидал вот так. Она вставала и заходила, а он ее снова. Но на третий раз впускал всегда.

– А ты просто стоял и наблюдал, – почти про себя сказал Ахин. Валера догадался, что его в чем-то упрекают.

– Никогда не наблюдал, – возмущенно заявил он. – Что

мне, делать нечего? Меня чужое не интересует. Просто бывает выйдешь покурить, а она – пожалуйста, валяется.

Ахин вдохнул, поджав губы, и выдохнул. Машина выехала с проселка на федеральную трассу, и ямы стали попадаться реже.

– На ферме Магу бояться?

Валера помотал головой.

– Обычный мужик, зачем его бояться. Он же один. В прошлом году к нему приезжал брат или черт его знает. Они, конечно, покуралесили, но бояться его не надо. Он тебя задирает что ли? Вы с ним вроде похожи.

Саша посмотрел на свое отражение в зеркале заднего вида как на партнера в комическом фильме: «Смотри-ка, бро, теперь он сказал, что я похож на парня, который дубасит жену» и процедил:

– Дедушка был дагестанец.

– Со мной в армии служил Ахин, – примирительно сказал Валера. – Салаватик. Здоровый был.

– На диалекте села Мекеги, – медленно сказал Саша, – «Ахин» означает «нет».

«Семицветик» должен был закрыться через час, но Саша попросил затормозить в квартале до него и сунулся в окно «кофе на вынос». С пол-литровым стаканчиком он вошел в магазин. Магазин был бедненький, по вкусу 90-х: орхидеи в полиэтилене и метровые розы в ведре. Флористка, низко

склонив голову над телефоном, писала комментарий ВКонтакте. Из-за челки были видны только ее губы и часть пухлой щеки. Ахин постоял, ожидая, когда она посмотрит на него первой, а пока косился на полки с однообразными цветами.

Что, если устроить в жизни Бажина маленький переполох? Не запускать руки в его жизнь глубоко – боже упаси, мало ли, какая гадость обнаружится. Так, немного пощипать за нервные окончания. Анонимно прислать букет белоснежных лилий. Они бы хорошо смотрелись в его белых продолговатых ладонях. Оплатить с электронного счета, в качестве контактной информации оставить телефон с краденой симки. При лично высказанных подозрениях все отрицать. Вот только куда прислать? Прямо в здание прокуратуры, чтобы с проходной нарочно по громкой связи, сдерживая гогот, позвонили и на все здание: «Тут цветы для Бажина принесли. Впускать?» Чтобы Андрюша выбежал бледный от злости и удивления и крикнул: «Это ошибка, это не мне, я их не возьму. До свидания», – а у него за спиной в секретариате уже во все горло смеялись? Или домой, чтобы он вышел в мятой рубашке, может быть, небритый (как он выглядит небритым, интересно?); рядом никого не будет, и он возьмет букет обеими руками и будет долго смотреть мимо, не закрывая дверь, хотя курьер сразу уйдет. У Бажина ведь так никого и нет, кажется.

Ахин запил крупным глотком кофе подступивший к горлу комок.

– Вы Катя? – спросил он.

Флористка вздрогнула и подняла голову. У нее были очень большие глаза, и она сразу опустила их.

– Вы в 2014 году работали в Мечетинке? – продолжил спрашивать Ахин и облокотился о стойку. Он увидел, что девушка делает движение, чтобы встать, но движение не получается и не получается. – Не беспокойтесь, я не имею никакого отношения к Магамеду. Я адвокат хозяина. В Мечетинке нашли труп женщины, и я приехал убедиться, что это не вы.

– Не я, – беззвучно проговорила женщина. Под ее левым глазом, несмотря на густой тон, был замечен вдавленный шрам длиной около сантиметра.

– Вы мне поможете? – спросил Саша тихо. – Мне нужно знать обо всех женщинах, которых вы видели на ферме.

Катя была очень послушной. Она не попросила документы, не стала отказывать и ни разу не посмотрела прямо в глаза. Она назвала жену хозяина Айнагуль, повариху Любу, агронома Вику, двух дочерей хозяина, которые приезжали лишь время от времени, механизаторку Садет и скотницу, которую не знала по имени. Перечислив всех, она продолжила говорить, без остановки, не переводя дыхание, время от времени поднимая глаза аж на верхнюю пуговицу сашиного пальто.

– Когда я переехала с Магой в Мечетинку, я получила выплату как молодой специалист на селе, 100 тысяч руб-

лей. Мага тоже получил сколько-то, я не спрашивала. На эти деньги мы начали строить дом. Я должна была проработать три года, каждый год должны были доплачивать еще что-то, но это ладно. Потом Мага начал меня бить. Я уехала. У меня была возможность уехать только сюда, здесь мама. Получается, я уехала из села. Мы с Магой развелись, я отсудила у него мои 100 тысяч, но он их до сих пор не отдал. Приставы говорят, не получается их у него забрать, имущества нет, а недостроенный дом – единственное жилье, нельзя... Я не проработала три года, должна вернуть выплату, но у меня ничего нет, и у мамы нет. На меня завели дело о мошенничестве, я сейчас под подпиской. Вы адвокат, – тут только Катя посмотрела Ахину в лицо. – Вы мне поможете?

Саша слышал «Вы мне поможете?» от многодетных женщин, которым отрезали газ, от заключенных, которых после срока за кражу выпускали на свободу без обеих почек, от отчаявшихся истребовать алименты, добиться усыновления, дожидаться очереди на законное жилье. Десять лет назад он отвечал «какой ужас, конечно», пять лет назад – «я посмотрю что можно сделать и перезвоню». Сейчас он вдохнул и быстро ответил:

– Нет.

Они постояли еще некоторое время, глядя друг на друга через прилавок, и Саша ушел. Валерина машина ждала его под знаком «парковка запрещена». С глубоким вздохом Саша сел на пассажирское место.

– Заедем ко мне за вещами. Кажется, я у вас еще долго буду пропадать.

Валера отчего-то ухмыльнулся. Город отмотали назад будто в замедленной съемке: час пик, пробки. По дороге Валера рассказывал, как в прошлом году Гамлет и Рафаэль, злые соседи хозяина, владельцы ближайших к землям КФХ полей, перекопали дорогу к посевам кукурузы: «Я спрашиваю: как же у них получилось? Это же тяжело – бетон копать!» Ахин не поддерживал разговор, а когда городские огни закончились, стал смотреть на звезды. Прямо над ними медленно поворачивался ковш Малой Медведицы.

Вернулся в свою келью он в полной темноте. Сквозь приоткрытый на проветривание стеклопакет доносились трубно-потусторонние звуки коровника. Поставил походную сумку на кровать, достал из нее и убрал в шкаф стопку чистых рубашек, маек, трусов и носков. Вынул по одному и расставил с равными промежутками на столе флаконы с пеной для бритья, средством после бритья, шампунем и приторным Деметером «Черный русский». Пока Саши не было, кто-то исполнил его просьбу: принес и поставил в углу таз с кувшином для умывания. Теперь комната окончательно перестала отличаться от дома-музея интеллигентного бездельника XIX века.

– Твою мать, полотенце забыл, – всплеснул руками Саша, когда вещей в сумке не осталось.

С середины дня он испытывал острую потребность упасть

на постель одетым и зарыдать, и теперь получил формальный повод. Он лишь задумался, разуться ли ему, прежде чем осуществить желаемое, или завалиться в постель в ботинках, как это делали в фильмах о об эпохе, когда приличные люди мылись в тазах. Его раздумья прервал стук в дверь. Не успел Саша разрешить, как в комнату вошла плотная круглолицая женщина с монокровью, в платке вроде хиджаба, но повязанном нестрого – так, что надо лбом были видны смятые пряди волос.

– Будете ужинать? – спросила она. – Я принесу.

«А вот и прислуга», – подумал Саша.

– Хорошо. Только имейте в виду, мне без соли. Я не ем соль. И майонез. И жирную свинину. Хотя вы и сами-то, наверное... Временно воздерживаюсь от фасоли. Еще я не люблю лук, но если положите – ладно, не страшно. Главное – чтобы не было соли.

Женщина озабоченно покачала головой.

– Рыбу-то вы едите?

– Хорошо, пусть будет рыба... А кофе у вас есть? Только не растворимый! – с ноткой паники в голосе спросил Саша.

– Я сварю, – постаралась успокоить женщина.

– Нет! Не сейчас! Утром. И молоко, для кофе мне обязательно нужно молоко!

Саша сам не понимал, отчего разволновался. Возможно, он слишком любил свою бережно обустроенную взрослую гастрономическую жизнь с тайной картой кафе вокруг су-

дов, с баночками спортивного питания, с врачующим душу капуччино без сахара. Здесь, на краю света, где нет ни ресторанов, ни супермаркета, он стал беззащитен как в детстве, где перед ним ставили тарелку томатного супа с консервами, и это не обсуждалось. Саша дрожащей ложкой водил в противной пахучей жиже, вылавливал оттуда кильку с растопыренными плавниками и долго смотрел ей в глаза.

Женщина вернулась через четверть часа с политыми маслом горячими блинчиками на одной тарелке и мощным рыбным стейком с картофельным пюре на другой. На тарелке со стейком, конечно же, было немного лука и майонеза. Это было настолько предсказуемо, что Ахин по-доброму улыбнулся.

– Если нужно будет с чем-то помочь – я почти все время здесь. Я живу рядом с кухней, – сказала служанка.

– Можете помочь прямо сейчас, – ответил Ахин, меланхолично счищая луково-майонезную нашлепку с рыбы. – Вы знаете жену хозяина, Айнагуль?

Женщина посмотрела на него по-особенному.

– Жену хозяина зовут Вика.

Ахин чертыхнулся.

– Ладно, а повариху Любу?

– Она уехала, теперь я готовлю.

– Хорошо. А как вас зовут?

– Айнагуль.

28 ноября

Утро наступило в полной темноте. Саше показалось, что еще вчера он жил в своей квартире и путешествовал до офиса пешком по выложенному плиткой бульвару мимо вычурных фонарей, а теперь просто всплыл из небытия и услышал, как за тонкой дверью мужчина и женщина страшно кричат друг на друга, а за окном кто-то возит на тележке страшно гремящие металлические объекты, и, встречая его, на разные голоса кричат коровы. Саша взял телефон и посмотрел, который час. Оказалось, нет и семи. Он перевернулся на другой бок, подгрел под себя подушку и постарался представить, что это мягкая грудь Андрюши, чтобы поскорее заснуть обратно, но дело оказалось не из легких.

Мужчина и женщина бранились внизу, где столовая, но слышно их было лучше, чем голос совести. Они крыли друг друга по-казахски, перемежая речь русскими словами, в основном непечатными, и именами, которые в окружении неродной речи звучали ярко и дарили заряд бодрости. «Бла-бла-бла – пидарас в пальто – бла-бла-бла», – услышал Саша, как кричит женщина, и не без гордости отметил, что чужая ссора посвящена в числе прочих и ему. Несколько раз в речи звучали имена «Гамлет и Рафаэль», упоминали также некую Кадрию. По контексту Ахин сделал вывод, что женщина громко подозревает странного адвоката в пособниче-

стве врагам-соседям, а мужчина советует ей закрыть рот.

Едва они замолчали, на дворе душераздирающе закричало неведомое животное. Оно, верно, было небольшим, и маленьких легких не хватило на долгий крик. Оно судорожно набрало еще воздуха и продолжило, но вскоре крик перешел в хрип и все стихло.

– Ох же, – сказал Саша и повернулся лицом к стенке. На кухне начинал шевелиться и урочно ворчать газовый котел.

Новый день Ахин намеревался посвятить визиту к бывшей поварихе Любе, но, выйдя после завтрака на двор, в занимающейся серой заре обратил внимание на тонкий кровавый след, который вел за угол коровника. Не пройти по этой ниточке было невозможно, и в дальнем конце фермы, между помещениями для птицы и высокой кипой железа, похожего на гигантские решетки для газовых плит, он заметил необычный одноэтажный дом. Сложенный из крупного белого кирпича, он мог выглядеть прилично, но часть его крыши была не завершена, окно во фронтоне и одно из двух окон, выходящих на двор фермы, забиты фанерой, вместо крыльца поверх груды строительного мусора лежали деревянные сходни. На перевернутой строительной тележке худой бородатый парень неловко потрошил кролика.

– Здравствуй, Мага, – сказал Саша.

Фельдшер тупо посмотрел на него, не понимая, когда и где они познакомились, и неуверенно протянул ладонь, которую

только чуть обтер о фартук от крови. Ахин не стал вынимать руки из карманов пальто.

– Вот, убежал. Пока ловил, прибил, – словно извиняясь, сказал Магамед.

Ахин кивнул. Тут Магу громко позвали по имени со стороны главного здания, и он, оставив нож, с готовностью побежал на зов. Ахин подошел к тачке и посмотрел на полурастерзанную тушку. Глаза у кролика были спокойные и ясные, как будто у живого, белый жир с редкими кровавыми прожилками торчал из брюха как вата из игрушки. Саша достал телефон и сфотографировал это. Когда он поднял глаза, встретился взглядом с девушкой лет двадцати пяти в толстом домашнем халате с цветами. Она стояла в дверях недостроенного домика, прижавшись щекой к косяку. У нее были пухлые щеки и губы.

– Вы жена Магамеда? – спросил Саша. – Как вас зовут?
– Катя, – ответила девушка не звучащим со сна голосом.
– Катя... Работаете, Катя?
– Учительницей.
– Вот как? Здесь есть школа?
– В Большой Мечетинке есть, четыре километра отсюда.
– Муж возит?
– Пешком хожу.
– Учительницей... Значит, после окончания вуза приехали? И выплату по программе социального развития села получали?

– Пятьсот тысяч, в декабре дадут.

Саша беззвучно рассмеялся и посмотрел себе под ноги. Его армейские ботинки уже покрылись белой коркой вчерашней засохшей грязи, и теперь покрывались серым слоем свежей.

– Хотите совет, Катя? Не давайте Маге ни копейки. А лучше уезжайте отсюда. Чем скорее, тем лучше. Прямо сегодня.

Девушка повернула голову, длинные волосы наполовину закрыли ее лицо.

– Вы кто? – спросила она.

– Считайте, что вы попали в очень сложную жизненную ситуацию, почти безвыходную, и попросили меня о помощи. Я отправился на машине времени в прошлое, нашел вас и дал вам совет, как не попадать в безвыходную ситуацию. Потому что это – единственный способ вам помочь, который я знаю.

Девушка долго стояла и смотрела на пришельца без улыбки, без злости, без любопытства. Ее лицо, чистое, с веснушками на лбу, было бесстрастным и гладким, как поверхность зеркала, в котором одни видят совершенную мудрость, другие – абсолютную тупость.

– Идите на хер, – сказала она.

Занавеска из одеяла, служившая в доме дверью, качнулась, и девушка исчезла.

Водитель Валера затормозил на дороге перед просторной

избой, обшитой сайдингом. На укатанной площадке рядом стояли две фуры. Дорогу ко входу охранял лебедь из покрышек и металлических обручей.

Придорожное кафе «Как дома» могло бы понравиться Саше, не испытывая он ужас при мысли о том, чтобы сесть за стол с липкой клеенкой. Местечко было душевным, обставленным с диковатым вкусом и большой любовью. Над входом была прибита табличка, запрещающая плевать на пол, а над отдельно стоящим столиком на два стула висела коллективная фотография, где все улыбались. Саша узнал на ней Старого Бая, Валеру и бухгалтера – они с тех пор не изменились и, кажется, не переодевались. На фотографии была Айнагуль, еще без платка и с крупными красными бусами. Мага выглядел еще моложе, чем сейчас, и вместо бороды носил усики кончиками вверх. Рядом с ним стояла его предыдущая Катя, она казалась совсем девчонкой. На фото был еще один потрепанный мужичок – должно быть, тот скотник, от которого Саша отвел беду – и довольно много женщин, в том числе – хозяйка заведения.

Повариха Люба оказалась харизматичной атомной деревенщиной, из тех, чью способность заковыристо материться превозносят в пабликах с «житейскими историями».

– Валера, ты рано за деньгами, – без приветствия сказала она, когда водитель следом за А. вразвалочку прошел к барной стойке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.